

© **Бронштейн В. В.** 2017

Бизнесмен, г. Иркутск

В статье рассматриваются отдельные вопросы истории биржевых и валютных проектов в историческом разрезе.

Ключевые слова: биржевые сделки, валютные операции

Думал ли Пушкин, а вслед за ним и Чайковский, создавая образ Германа из «Пиковой дамы», мечтающего разбогатеть на игре, что их творение будет сверхактуально и 200 лет спустя? Означает ли ослабление накала игр в карты и в рулетку, что игроков в наше время стало намного меньше? Думаю, что Александру Сергеевичу и Петру Ильичу, когда создавалось великое творение, и не снилось, что азартные игры когда-нибудь оседлают передовую технического прогресса и втянут в свою орбиту иногда, увы, смертельно опасную огромное количество молодых и не очень молодых образованных людей, занятых на рынке ценных бумаг. Людской порок, связанный с желанием разбогатеть быстро и не особенно себя утруждая, никуда не делся в «светлом будущем», за которое в России было пролито особенно много крови.

За минувшие два века существенно изменилось только содержание игры. Потесненные рулетка и карты дополнились ценными бумагами, а на смену казино с его крупье пришли биржи и финансовые брокеры. Порок, которым издревле считались азартные игры, распространенный, но осуждаемый в 19 и в начале 20 веков превратился в достаточно престижную профессию. Но судьба несчастного Германа нет, нет, да и получает новое, трагическое звучание на «сцене современной жизни». Жаль только, что с уходом предыдущих поколений талантливых поэтов и драматургов от Пушкина, Чехова до Вампилова, Розанова, Володина и Гуркина некому воплотить эту и другие сегодняшние, животрепещущие темы на современной театральной сцене или в кино. Вот и приходится сегодня в 2016 г. смотреть убогие сериалы с однообразным сюжетом или насквозь

«пропахшие нафталином» спектакли прошлых времен.

Сегодня, увы, новые явления в жизни общества толком не изучаются и не анализируются ни силами искусства, ни наукой. Кто кроме специалистов сегодня знает имена академиков, искусствоведов, литературных критиков? А, ведь, ещё в начале горбачёвской перестройки на весь мир звучали имена Абеда Аганбеяна, Виталия Абалкова, Татьяны Заславской, Игоря Бунича и других. Академик А.Г. Аганбеян был настолько популярен, что с ним встретились даже легендарная премьер-министр Англии Маргарет Тэтчер. Сегодня же общественные науки не востребованы. Более того, академики и членкоры высшим руководством страны изгоняются, например, из ФСБ и с государственной службы, что никак не способствует престижу науки и ученых. «Гениальные управленцы» члены правительства, в котором очень уютно жили-поживали не один год ныне арестованный министр экономики Улюкаев и ставший притчей во языцех бывший министр обороны Сердюков, считали и считают, что они и «сами с усами». Но даже и в прежнюю, «наука уважительную» пору, академик Аганбеян не раз сетовал, что мы очень плохо знаем общество, в котором живем. Сегодня мы уже и не стремимся его узнать.

Как-то в середине 80-х теперь уже прошлого века я познакомился с родственниками жены, заехавшими к нам на дачу попрощаться перед эмиграцией в Америку. Теща доводилась двоюродной сестрой старшему из отбывающих — Иосифу, а значит тетей его молодому и обаятельному сыну Михаилу, который недавно окончил медицинский институт и ординатуру. Его

умные еврейские глаза светились счастьем дальнего путешествия и романтических перемен в едва начавшейся самостоятельной жизни с молодой женой тоже медиком и маленьким сыном. Глядя на них, я поймал себя на мысли, что имея по отцовской линии еврейские корни, никогда не планировал и даже не задумывался о переезде в дальние дали, но это не мешало мне по-доброму завидовать радости и надеждам на счастье, которые так и лучились в добрых и мечтательных глазах Михаила. В ту же пору мы обсуждали, что из Питера укатил в Америку не особенно известный тогда писатель Сергей Довлатов. С ним был лично знаком и даже дискутировал на тему эмиграции мой родственник поэт и просветитель Геннадий Гауда. Сегодня Гена с интересом наблюдал за слегка напугавшей его какой-то ангельской лучезарностью Михаила. По представлению Геннадия переизбыток счастья обычно заканчивается тяжким похмельем или ещё хуже. Мне не хотелось вникать в его пророческие предчувствия. В тот момент меня больше занимали мысли почему мой отец и дядя, евреи по национальности, никогда в жизни не заговаривали на тему эмиграции, хотя и у них некоторые друзья укатили и в Израиль и в Америку. Очевидно, дело в том, что все лишения, связанные с раскулачиванием близких и недоеданием, были пережиты ими ещё в раннем детстве, так что последующая жизнь воспринималась как уверенное восхождение если не к коммунизму, то в озаренные солнцем дали. Они ценили, что им, баргузинским парням, из ограбленных в 20 годах семей золотопромышленников советское государство предоставило возможность получить бесплатное высшее образование, да ещё и не одно, стать успешными и весьма уважаемыми руководителями крупных предприятий. Они были тысячами нитей связаны и со своими многочисленными коллективами, и с коллегами, и с органами власти, и поэтому мысли не допускали, чтобы бросить дело и «освящённые» кровью революции и двух войн красненькие книжицы — партийные билеты, а, главное, людей, с которыми, буквально, сроднились за годы работы. В их понимании это было бы дезертирство. Слово Родина для них — истинных сибиряков, участников войны и военного тыла, не было пустым звуком.

Иосиф же — отец Михаила, был высококвалифицированным специалистом, но по рабочей специальности, кажется, токарем. Опытные рабочие за границей востребованы. А, кроме того, у рабочих нет таких прочных социальных связей как у моего отца Владимира Яковлевича — многолетнего директора «Иркутского мясокомбината» и его брата Леонида Яковлевича — первого заместителя генерального директора крупнейшего предприятия области Ангарской нефтехимической компании. И, хотя, до отца с дядей в 70–х, 80–х годах мне было ещё, ой, как далеко, но всё же в 24 года я стал самым

молодым и притом весьма успешным начальником цеха на оборонном предприятии — Иркутском заводе радиоприёмников им. 50-летия Октября. Поэтому и у меня, и у моего двоюродного брата Виктора Серёдкина — молодого руководителя в строительстве — также не возникало мысли бросить, хоть, и не легкое, но серьёзное и интересное «Дело» с большим количеством если не друзей, то приятелей и сослуживцев. О том, что профессия руководителя соц. предприятия в отличие от квалифицированных рабочих вряд ли «конвертируема» на Западе — мы не думали. Так далеко у нас, молодых и успешных, мысли не убегали. Но это не означало отсутствие доброй зависти к тем, кто готов был фантастически круто повернуть колесо собственной судьбы и умчаться за тридевять земель, за моря и океаны как в добрых детских сказках. Не возникало таких мыслей и в лихие 90–е годы, когда наш уродливый капитализм набирал обороты под прицелом бандитской стрельбы собственных и особенно чеченских группировок, а также не сумевших перестроиться и постепенно теряющих силу грузинских воров в законе. В опасную орбиту предпринимательства в ту пору втягивались всё новые и новые пассионарии. Их неумная энергия и инициатива не были направлены на поиски и присоединение земель к государству Российскому как в древние времена, талантливо показанные Львом Гумилевым. Но всё же без захвата земель, поджогов памятников деревянного зодчества и просто домов не обошлось и здесь. Правда, присоединялись земли уже не к государству как в древности, а вместе с недвижимостью к своим фирмам.

Первопроходцы прошлых времен выносливые и дерзкие «казаки-разбойники» — покорители Сибири, которые представляли когда-то в России отдельный этнос давно уже ушли в историю и не могли отметиться ни в борьбе с бандитами, ни на ниве предпринимательства. Память о них осталась в колоритных этнографических нарядах, песнях, танцах, а также в лихой верховой езде отдельных умельцев. Первопроходцами по джунглям капитализма стала наиболее активная и рискованная молодежь часто с хорошим образованием, иногда с богатым опытом комсомольской или даже партийной работы и обязательно с предпринимательской жилкой. Выходцев с социалистических предприятий, где я отработал к тому времени около 20 лет, среди предпринимателей было очень не много. Основная причина в том, что подавляющее большинство таких руководителей замыкалось на внутризаводском общении. Они совершенно не были знакомы с внешним миром, с его нерегламентированными, в отличие от предприятий, связями, с ведением финансовых дел, бандитскими и милицейскими крышами. Совершенно не похож на потенциального

предпринимателя был и отправляющийся в Америку Михаил.

Какого же было наше удивление, когда спустя пять лет в следующий приезд Иосифа мы узнали от него поразительную новость об успехах сына на вольном рынке ценных бумаг. Было это уже в конце 80-х. Тогда я как раз подходил к мысли о собственном бизнесе, и мне было весьма интересно поговорить о зарубежном опыте. За несколько лет Иосиф стал заправским американцем, во всяком случае, в наших, не особенно искусственных глазах. Его приезд совпал с началом освоения им неизведанной, но интересной и небедной жизни американского пенсионера. Выглядел он моложе, чем когда заглядывал к нам откланяться лет пять назад. Держался Иосиф вполне уверенно, даже с некоторым апломбом, с большой любовью и благодарностью говорил об Америке и со знанием дела о бизнесе сына. Кроме неплохой даже по американским меркам заработной платы, несколько лет назад ему выплатили сотни тысяч долларов за небольшую травму, полученную по вине администрации предприятия. Но главной его гордостью, конечно, были успехи сына, переквалифицировавшегося из медика в брокера, активно работающего на рынке ценных бумаг. Иосиф с удовольствием показывал фотографии нового дома семьи Михаила с бассейном и приусадебным участком, с милым и разноцветным детским городком. Но более всего впечатляло не проходящее со времени отъезда ощущение неподдельного счастья на семейных фотографиях Михаила. Успех этого юного медика, может быть, и стал последней каплей в чаше моих раздумий по поводу открытия самостоятельного бизнеса. Иосиф рассказал о сложностях изыскания средств на брокерские курсы для Михаила, об удачно найденном месте работы в одной из брокерских контор, попутно заметив, что подтвердить квалификацию врача с российским дипломом и полным неумением работать с современной диагностической аппаратурой, ещё дороже и сложнее. Через несколько лет брокерской работы «на дядю» Михаил начал мечтать о собственном деле. Но всё упиралось в сумму начального капитала. «И здесь не было бы счастья, да несчастье помогло, — вспомнил Иосиф русскую поговорку. — Я получаю производственную травму — перелом руки — и немалую страховку. Большую часть её я отдал на удачу сыну. С этих-то средств и началось его восхождение к американской мечте». Видно было, как Иосифа переполняет гордость за сына и за удачу, которую принесли его больничные деньги.

Наша тёплая встреча проходила на уютной веранде недавно перестроенной дачи, утопающей в садовых цветах, которые, в свою очередь, были нашей скромной гордостью, в сиянии безоблачного, но не очень жаркого летнего дня, сеющего вечные, как сама природа и людское счастье, отблески солнца по уходящему в даль

иркутскому морю. Нелепыми в этот момент казались буддистские мысли из недавно прочитанной книги о том, что человек рождён для страдания. В завершении встречи Иосиф эффектным жестом фокусника вынул буквально из кармана несколько небольших тряпиц, по объёму похожих на шелковые платочки. Мы поблагодарили и подарили ему и Михаилу нефритовые изделия с наивным наказом изучить конъюнктуру в Америке с тем, чтобы организовать поставки от фирмы «Сибтонар», в которой до октября 91 года я ещё оставался заместителем директора. После расставания с гостем, мы внимательней посмотрели на тряпицы. Они оказались нарядными платками из поразительно тонкой ткани.

Вскоре позвонил из Америки Михаил, поблагодарил за очаровательные изделия и пригласил нас в гости на его новую родину. Мы отшутились, что прилетим, как только заработаем на нефритовых поставках. Звонок этот был в самые последние дни лета, которое не спеша собиралось переключиться от нас на их загадочное полушарие с фантастическими возможностями.

Кто бы мог подумать, что последними были не только дни лета, но и звонок Михаила. Примерно через месяц, уже слякотной осенью 1989 года, мне передали «Комсомольскую правду» со статьёй «Наши в Америке», где рассказывалось о зверском убийстве предпринимателя Михаила. Убили его наши эмигранты. Им не давал покоя блистательный успех Михаила. И они настояли на том, чтобы он и им приобрёл ценные бумаги, обещающие быстрый успех. Не знаю, разъярял ли Михаил заказчикам быстрого богатства, что ставки на большой успех сопряжены с не меньшими рисками, что рисковать можно только небольшой частью своих сбережений, которую в случае проигрыша жаль, но не смертельно. Или же и он находился в эйфории от собственных достижений, и, уверенный в своей прозорливости и безотказном чутье, взял деньги без «лишних» разговоров, а кусающиеся, иногда и до смерти, законы рынка начал объяснять уже после того, как их деньги превратились в сладкие воспоминания, в умершие надежды, и в безысходную тоску, которая толкает на преступление. Какой состоялся между ними диалог, теперь уже никогда не узнать.

Прошло несколько лет с момента гибели Михаила. В очередной раз мы позвонили Иосифу, чтобы высказать соболезнования по поводу скорбной даты, но оказалось, что он ненадолго пережил катастрофу. Его жена рассказала, что Иосиф страшно корил себя и за то, что был инициатором переезда в страну, где, как гласила реклама, для всех равные возможности, но, увы, как оказалось, не только на успех и счастливую жизнь, но и на гибель. Не мог он себе также простить, что поторопился дать деньги Михаилу на самостоятельное ведение бизнеса. Нервы и сердце любящего родителя не вынесли глупой и

трагической гибели единственного сына, попавшего в цунами азартных игр.

В 1989 году мне ещё наивно казалось, что такие убийства — это чисто американский почерк, уж у нас-то всё будет по-другому. Но оказалось, что когда рушатся вековые устои, а вслед за ним и само великое государство — СССР, время как будто взрывается, а вслед за ним вырывается с корнями и летит в «тартарары» нравственность народа. Так в революцию 1917 года самый богомольный и воцерковлённый народ, на религиозном знамени которого была написана заповедь любви, превратился в тёмных палачей, не только аристократов-дворян, купцов и промышленников, но и своих же собственных отцов и братьев, не разделяющих фанатичные крамолы Маркса и Ленина. Так же и в горбачёвскую перестройку вчерашние коммунисты и комсомольцы вмиг превратились в своих классовых антиподов — в капиталистов, а у кого не получилось — в их ярых помощников. Через год стабильное или, как его называли, застойное государство стало похлеще чем «дикий запад» в эпоху первичного накопления. Вряд ли есть какая-либо сравнительная статистика, но, думаю, в 90-х годах по степени дикости нашей второй революции, которую только идеологические лжецы называют «бескровной» мы оказались впереди планеты всей. Жаль, что на долгие годы, если не навсегда, преступность стала единственным «достижением», по которым Россия обогнала Запад. Даже по общим демографическим показателям смертности, убыли населения и падению продолжительности жизни проглядывает весь кровавый ужас горбачевско-ельцинской перестройки.

В памяти ещё были живы безответственные заверения главы СССР Н.С. Хрущева, сделанные им в конце 50-ых годов во время первого после революции визита в Америку. Прозвучали они на весь мир при встрече с американским президентом той поры Никсоном. Наш лидер пообещал, что в ближайшую семилетку мы обгоним США по всем основным показателям, в том числе по уровню жизни и помашем Западу ручкой, уходя далеко вперед. Вперед мы, действительно ушли, но, к сожалению, не по тем показателям. Даже нашего российского еврея Михаила, сбежавшего от перестройки и убитого соплеменниками, следует записать на счёт нашей «бескровной» революции. Об ужасе перестройки, буквально, вопиёт демографическая статистика. В 1991 г. смертность в России впервые за мирные годы последнего столетия превысила рождаемость. Например, в 1994 г. родились 1 млн. 420 тыс. россиян, а умерли 2 млн. 300 тыс. Убыль населения в один только ельцинский год больше численности такого немалого города как Иркутск. Средняя продолжительность жизни при Ельцине снизилась со средних 69 лет при советской власти до 64 в 90-х годах. Причем, разница между продолжительностью жизни мужчин и женщин в

ельцинские годы достигла своего печального и мирового и российского рекорда в 13,6 лет. У женщин она составляла около 71 года, а у мужчин — 57 лет. Причём, в ельцинскую пору вакханалии оба показателя страшней, чем в горбачёвскую. В целом же, цена «бескровной» перестройки оценивается в ельцинский период примерно в 7 миллионов прямых потерь населения, что много больше, чем в годы сталинских репрессий, и равно 50% потерь россиян в годы Великой Отечественной Войны. При этом «добрая» статистика не учитывает страшную судьбу 25 миллионов бесправных русских, брошенных Ельциным в бывших советских республиках

Но вернёмся к «казино» ценных бумаг. Михаил стал далеко не единственной жертвой «бумажного» рынка среди моих знакомых. Хотя, бумаги — не вазовские автомобили, большую часть которых в 90-х годах распределяли бандиты. Торгуются бумаги вроде бы солидно — на биржах, размножившихся у нас на самой заре возрождения капитализма, «как грибы после дождя». В 90-ые годы в каждом городке у нас кипела «работа» в своих пародийных биржах и биржевых союзах, но как далеко им было до западных бирж даже 20-ых годов, талантливо показанных Теодором Драйзером в его знаменитой трилогии. Главный герой трилогии — успешный Каупервуд, активно манипулируя ценными бумагами, разоряет конкурентов, но при этом делает «Дело», строит трамвайные пути, а позже — лондонское метро. Уже в ту эпоху он убивал конкурентов не физически, как у нас, а только финансово. Наша деградация нравов шагнула далеко вперед даже по сравнению с диким Западом.

За кажущейся респектабельностью бирж скрывается нечто, отличающее этот вид бизнеса от любого другого. Это нечто выдаёт язык. Только к этому виду бизнеса намертво пристало не самое респектабельное слово, когда речь идёт не о детских, а о взрослых делах. Слово это «игра». С этим словом связано немало устойчивых словосочетаний — игра на бирже, игра на повышение и на понижение, причём двум последним играм соответствуют и вообще звериные оскалы «медведей» и немилосердные рога «быков». Ну, а где игры, там естественно присутствует элемент лотереи — можно выиграть, но можно проиграть и даже доиграться. Последнее звучит особенно предостерегающе, если не сказать зловеще. ■

Foreign currency and banking projects at the historical view

© Bronstein V., 2017

In the article some questions of the history of exchange and currency projects are considered.

Keywords: exchange transactions, currency operations